

К. Г. Боленко

ЖУРНАЛ «КРАЕВЕД-МАССОВИК» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МУЗЕЕВ-УСАДЕБ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена журналу «Краевед-массовик Московской области» (1930–1931; с № 3 — «Краевед-массовик»), органу Общества изучения Московской области, а затем Московского областного музея. Журнал был призван продемонстрировать государственному и партийному руководству готовность столичных краеведов внести изменения в свою работу, связанные с новой государственной политикой: превращением краеведения в широкое массовое движение под жестким государственным контролем и в один из инструментов индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Вместе с тем демонстрацию лояльности и чуткости к правительственному курсу авторский коллектив журнала сочетал с попыткой отстоять ценности дореформенного краеведения: историческое краеведение как самостоятельное направление работы, необходимость научных исследований и научного подхода. Эта компромиссная позиция ярко проявилась в статьях и заметках, вышедших из-под пера заведующих музеями-усадьбами «Останкино» и «Архангельское» К. Я. Виноградова и А. А. Найдышева, которые уделили внимание как производственно-краеведческой тематике, так и необходимости сохранения специфики музеев-усадб и строго научного подхода в изучении их истории и коллекций. Демонстрируется также ценность журнала как источника по истории этих музеев-усадб, в том что касается вовлечения этих музеев в работу краеведческих органов области и их места в системе музейных учреждений Подмосковья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журнал «Краевед-массовик», Останкино, Архангельское, К. Я. Виноградов, А. А. Найдышев, краеведение, музеи-усадьбы

УДК 908(470.311)

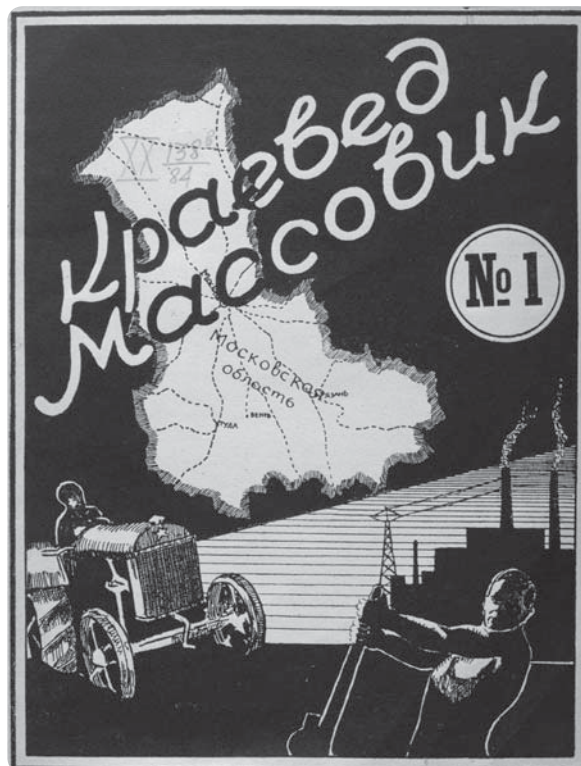
DOI 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-32-41

БОЛЕНКО КОНСТАНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ — к.и.н., заведующий сектором редких книг, рукописей и фотофондов, Государственный музей-усадьба «Архангельское» (Россия, Москва)

E-mail: kbolenko2005@yandex.ru

Изучение истории музеев-усадьб и музеев-заповедников в последние годы привлекает все больше внимания исследователей как непосредственно из музейной среды, так и вне ее. Определенным импульсом стало приближение и празднование 90- и 100-летних юбилеев, сопровождавшиеся организацией научных конференций, подготовкой и выходом из печати монографий, тематических сборников и отдельных статей. Вместе с тем во многих музеях-усадьбах изучение периода с конца 1910-х по начало 1940-х годов затрудняется недостаточностью источниковой базы, в первую очередь ввиду малоудовлетворительной сохранности собственных музейных архивов за этот период. Выявление и публикация новых источников представляет в этой связи актуальную задачу.

Одним из таких источников для музеев-усадьб¹ Московской области может служить журнал «Краевед-массовик» (1930–1931). Всецело соглашаясь с автором единственной статьи, посвященной этому журналу (Смирнова

2016), в том что «это периодическое издание исключительно важно и информативно (причем содержит информацию достаточно разноплановую) с точки зрения отражения реалий отечественного краеведения в целом и непосредственно краеведения Московской области, соответствующих новым реалиям жизни советского государства и общества в начале 1930-х годов» (Смирнова 2016: 32), нельзя не отметить, что журнал представляет отнюдь не меньшую ценность для истории не только краеведения и не только профильных краеведческих музеев². При этом в подавляющем большинстве просмотренных нами научных работ по истории московских и подмосковных музеев-усадьб ссылок на этот журнал мы не нашли, и ни одному из опрошенных нами сотрудников музеев-усадьб он не был известен.

Период конца 1920-х — начала 1930-х годов (и главным образом начиная с IV всесоюзной краеведческой конференции 22–25 марта 1930 г.) сопровождался радикальной перестройкой всей краеведческой работы в СССР: выдвиганием на первый план производственного краеведения и разгромом историко-культурного направления; репрессиями против краеведов старой школы; организационной реформой, сопровождавшейся ликвидацией полунезависимых «краеведных» обществ и выстраиванием жесткой вертикальной структуры из краеведческих областных и районных бюро и подчиненных им местных ячеек (Селиванов 2014: 163–168, 191–203). Краеведение должно было стать одним из инструментов вовлечения широких масс в индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и милитаризацию страны.

При всей разрушительности происходивших в этот период преобразований и их последствий (что, в частности, проявилось в историографии 1990-х годов в резком противопоставлении периодов до и после 1929 г.³) краеведение как направление общественной и государственной деятельности не исчезало. Более того, сам этот период не был единым. Так, уже в середине 1930-х годов

¹ Под музеями-усадьбами автор принимает все музеи, возникшие на базе усадеб и ориентированные в той или иной мере на отражение в экспозиции усадебной жизни, независимо от установленной для конкретного объекта юридическо-организационной формы: музей-дворцы, историко-бытовые и художественные музеи и т. д.

² А. Г. Смирнова ограничивается лишь упоминанием нескольких статей, принадлежащих заведующему останкиным музеем К. Я. Виноградову (Смирнова 2016: 29–30).

³ См., например, работы С. Б. Филимонова (1991) и С. О. Шмидта (1992).

наметился определенный откат к старым организационным формам и даже, судя по корпусу публикаций в журнале «Советское краеведение», некоторое возрождение исторического краеведения, хотя и на более низком уровне, совершенно не сопоставимом с прежним (Козлов 2013: 69–75, 78–79). Время, когда власть делала ставку на радикальное огосударствление и массовизацию краеведения, заняло всего несколько лет.

Выход журнала «Краевед-массовик» пришелся именно на эти годы, и его программа формировалась как ответ московских краеведов, входивших в Общество изучения Московской области и примыкавших к нему, на изменения государственной политики в отношении краеведения: на требования его безмерного кадрового расширения за счет выходцев из рабочей и крестьянской среды, свертывание исторического направления в ущерб экономическому и резкое сужение, скорее даже почти полное исчезновение всякой свободы в выборе тем и задач даже в заданных властью тематических рамках.

Общество изучения Московской губернии (области), которое было центром краеведческой работы в Московской губернии, а затем и Московской области еще с 1925 г., представляло собой общественную организацию, признанную властью и в определенной степени аффилированную с ней. Так, в его руководство входил такой видный советский чиновник, как Иван Григорьевич Клабуновский (1896–1980), возглавлявший в 1926–1929 гг. музейный подотдел МОНО, а в 1929–1932 гг. — отдел информации Наркомпроса. Само общество числилось состоящим при московской Областной плановой комиссии (Облплане) Моссовета. Лояльность, подконтрольность, готовность откликаться на политические задачи (в понимании государственного и партийного руководства) делало общество до поры до времени и безопасным, и даже полезным для власти институциональным звеном в структуре полу- и неофициальных общественных объединений.

Эта лояльность в полной мере проявилась и в 1930 г. Взятый на IV краеведческой конференции курс на развертывание массового краеведческого движения в стране и превращение краеведения в один из мобилизационных инструментов социалистического строительства был подхвачен почти сразу. При этом, поскольку непроектные направления краеведения не были запрещены или полностью отвергнуты, руководители общества приняли установку на соединение традиционного и нового краеведения. Печатной площадкой для такого синтеза и должен был стать журнал «Краевед-массовик» (далее — КМ). По-видимому, он должен был выходить параллельно с другими печатными органами общества — журналом «Московский краевед» и «Трудами Общества изучения Московской области», т. е. рассматривался не как замена, но лишь как дополнение к репертуару периодических изданий общества. Первый выпуск КМ даже имел на первой странице номер 20, соответствующий текущему «валовому» номеру всех периодических изданий общества, номеров и выпусков которых к тому времени вышло как раз 19 (Смирнова 2016: 15).

В открывающей журнал программной статье одного из членов редколлегии и ответственного редактора первых номеров журнала Григория Дементьевича Костомарова (1896–1970) «О массовой работе по краеведению в Московской области» эта компромиссная позиция заявлена ясно и определенно:

Выпуск нашего журнала является началом той работы, которая в настоящее время проводится по перестройке всей системы краеведения. <...> Комитет по массовой работе О-ва Изучения Московской области, предоставляя низовым организациям полную свободу в проявлении инициативы вовлечения широких масс в краеведение, — оставляет за собой лишь общее корректирование этой работы как с точки зрения ее методики, так и содержания.

<...> Журнал «Краевед-массовик», давая на своих страницах ряд руководящих статей по вопросам краеведения, в то же время является связующим звеном центра и периферии. Все краеведческие кружки, разбросанные по территории области, на страницах этого журнала могут обмениваться своим опытом, рассказывая о том, как и в каких условиях протекает их работа, какие ими сделаны достижения в той или иной области и проч.

<...> Своим практическим участием в деле реконструкции всего народного хозяйства, краеведы смогут показать свою готовность и впрямь, с тем же энтузиазмом, преодолеть трудности, стоящие на пути социализма (Костомаров 1930: 1–2).

Вскоре от гибкой схемы — «полная свобода» при общем методическом руководстве и корректировании — не останется и следа. Замена краеведческих обществ жесткой вертикалью из подчиненных Центральному бюро краеведения областных и краевых бюро, руководящих краеведческими ячейками на предприятиях, жесткий идеологический надзор за краеведческими публикациями приведут к тому, что редакция КМ будет вынуждена публиковать статьи и заметки с резкими нападками на коллег, уделяющих недостаточное внимание работе с рабочей и крестьянской средой или неправильно понимающих содержание научной работы. При этом общий тон КМ существенно отличался от тона, характерного, к примеру, для журнала «Советское краеведение», который начал выходить в том же 1930 г. В первую очередь отсутствием персонализированной критики, которая в те годы легко перерастала в политические доносы.

Значение журнала как методического периодического издания было тем выше, что тогдашняя Московская область была огромным территориальным образованием, включавшим в себя территории нынешних Тверской, Калужской, Тульской и Рязанской областей. При этом название журнала, видимо, порой вводило читателей в заблуждение, что могло приводить к появлению легкой дружественной критики: *...популярного массового краеведческого журнала у нас до сего времени еще не было. <...> Издаваемый Московским областным бюро краеведения журнал «Краевед-массовик» рассчитан исключительно на работников краеведения, помещая только методические статьи. Литературно-художественный уклон в нем отсутствует. К тому же этот журнал обслуживает исключительно Московскую область, нам же нужен журнал, обслуживающий весь СССР (Дубровский 1930: 31).*

Претензии издателей на методическое руководство подтверждаются и тем фактом, что ими была учреждена серия «Библиотека “Краевед-массовика Московской области”», в рамках которой в 1931 г. вышли две брошюры (Здановский 1931; Как организовать краеведческую работу в районе 1931). Об издании одной из этих брошюр речь шла еще летом 1930 г. на заседании президиума Методбюро Московского областного музея (О новых формах руководства музейной сетью... 1930: 22). Упомянутое там же издание по «вопросам массовой политико-просветительной работы музеев», возможно, не состоялось.

В целом весьма благожелательная рецензия на КМ была опубликована в 1931 г. историком и социологом Антоном Михайловичем Большаковым (1887–1941), автором целого ряда официозных рецензий и статей на краеведческие темы, публиковавшихся в журнале «Советское краеведение» в эти годы, а также книги «Краеведческое изучение деревни» (1930). При этом положительные оценки уже сочетаются с острой критикой:

Самый факт наличия у московского ОБК своего журнала свидетельствует о том, что московские товарищи вполне правильно оценили значимость вооружения краеведа печатным словом. Общая установка журнала, формулированная в его названии, удачно и четко предугадывает поставленную журналом задачу — вовлечение масс трудящихся в краеведческую работу.

Просматривая самый журнал (за 1930 и 1931 гг. пока вышло 6 номеров), мы убеждаемся, что краевед-массовик как автор еще редкий гость в журнале. Тов. Вас. Бородкин, колхозник-тракторист, прекрасно описал возникновение колхоза «Красное Иншино». Горячо пожелаем журналу, чтобы подавляющее большинство его авторов было из тех людей, которые, стоя у фабрично-заводских станков или работая на колхозно-совхозных полях, являются подлинными авторами социалистического наступления в СССР. Некоторые статьи блещут свежим, интересным и имеющим громадное актуальное значение материалом, как например статья А. Бахарева «О посадке картофеля ростками». Но есть

статьи, страдающие излишеством цитат, растянутостью «введения» в суть самой темы и недостатком конкретных указаний по реализации поднимаемой в статье темы в плане живой, повседневной краеведной работы, например, статья А. Филичкина. В № 1 журнала за 1930 г. напечатана статья, содержащая в важнейших моментах трактуемой ею темы совершенно неверные указания — мы говорим о статье М. Феноменова об изучении колхоза, где он толкует о зарплате колхозников. Следует отметить, что статьи журнала носят несколько случайный характер. Журнал по-видимому нацупывает тот тип статей, которые должны определить его литературное «лицо». Но в общем не подлежит ни малейшему сомнению, что «Краевед-массовик» москвичей стоит на той дороге, которая является путем советского краеведения (Большаков 1931: 106).

Видный краевед и историк Михаил Яковлевич Феноменов (1883 — не ранее 1942) в 1931 г. неоднократно подвергался на страницах «Советского краеведения» нападкам за «кондратьевщину» и «эсеровщину», поэтому в недалекой перспективе упоминание журнала в связи с его именем могло стать для издания и издателей небезопасным.

Видимо, именно потеря журналом репутации политически благонадежного привела к прекращению его выпуска. В 1932 г. он упоминается в «Советском краеведении» исключительно в критическом ключе: за выпуск «вредительской по существу» статьи М. Я. Феноменова, нежелание мобилизовать «краеведческую массу» «на борьбу с проникновением вреднейших контрреволюционных эсеро-меньшевистских статей Феноменова и др.» (В. Г. 1932: 12) и за «универсалистское» немарксистское толкование понятия «научно-исследовательской краеведной работы» в передовой статье своего последнего номера (Крыленко 1932: 19). О попадании журнала в опалу недвусмысленно свидетельствует его исчезновение из списков краеведческой литературы, вышедшей в 1931 г.; были расписаны только первые два номера за этот год (Краеведческая литература по СССР за 1931 г. Список № 7: 58–60, 63–64), и одна статья была учтена из третьего (Краеведческая литература по СССР за 1931 г. Список № 8: 68), хотя составление списков, в том числе с росписью периодических изданий, продолжалось в «Советском краеведении» до конца года.

Участие в краеведческой работе музеев-усадеб началось еще в 1920-е годы и было совершенно неизбежно. Во-первых, краеведческий компонент в их деятельности присутствовал изначально. Во-вторых, в условиях происходившей с конца 1920-х годов ликвидации многих музеев-усадеб внимание их дирекции к краеведческой работе было несомненным знаком лояльности к проводимой государством политике, доказательством своей безвредности и даже полезности.

В-третьих, местных музеев собственно краеведческого профиля и соответствующих специалистов, которые могли бы взять на себя организационную и методическую работу по привлечению масс и налаживанию производственного краеведения, было крайне недостаточно, особенно в условиях нового, более жесткого политического курса. В начале 1931 г. из 145 районов, входивших в состав Московской области, музеев не имели три четверти (Коновалова 1931: 4).

Всего в тогдашней Московской области в начале 1930-х годов было восемь музеев, подходящих под определение музеев-усадеб (в Абрамцево, Архангельском, Кусково, Мураново, Останкино, Поленово, Царицыно и Ясной Поляне), и примыкающая к ним Пушкинская комната в Яропольцах. На страницах журнала они представлены крайне неравномерно. Если не считать упоминания в списке музеев, отсутствуют всякие сведения об Абрамцево, Поленово и Ясной Поляне. По одному разу встречаются сведения о Кусково, Мураново и Царицыно. Так, в перечне докладов, заслушанных на заседаниях Методического бюро при Московском областном музее, значатся: *По организационно-плановому разделу: <...> 9) Об объединении работы музеев в Останкине и Кускове (К. Я. Виноградов) (с. 45) <...> По научно-исследовательскому разделу: <...> 4) План развертывания работы в Мурановском музее (Н. И. Тютчев). <...> 25) О деятельности Царицынского музея (К. А. Коновалова) (Отчет о работе Методического бюро... 1931: 45).*

Один раз, при описании краеведческой работы в Звенигородском районе, ее начало отнесено к 1923 г., когда был создан музей в усадьбе Введенское (Колобов 1930).

Основной массив материалов, имеющих отношение к усадебной тематике, связан с музеями в Останкино и Архангельском. Впервые они упоминаются в № 3 журнала, в разделе «Хроника», где рассказывается об организационных мероприятиях по перестройке методической работы: о передаче Московскому областному музею от МОНО функции методического руководства музейным делом; создании при МОМ Методического бюро и разделении его на секции; выделении нескольких «базовых музеев», на которые было «возложено объединение научно-исследовательской и политико-просветительной работы музеев, находящихся на территории, закрепленной за базовым музеем. Помимо этого, базовые музеи осуществляют методическое руководство работой музеев, находящихся на этой же территории» (О новых формах руководства музейной сетью... 1930: 22). Одним из таких музеев стал Воскресенский (нынешний Ново-Иерусалимский). На совещании в Воскресенске 27–28 июля в состав «Воскресенского базового объединения» вошли 11 музеев, в том числе «Архангельское» и «Останкино», причем представитель «Останкино» был включен в число постоянных членов базового бюро, представители остальных музеев, т. е. и представитель «Архангельского», должны были участвовать в работе базового бюро «поочередно». Судя по тому, что представители этих музеев не упомянуты в числе отсутствующих, они приняли в работе совещания непосредственное участие (Радченко 1930: 23).

Нет почти никаких сомнений в том, что это были заведующие обоими музеями Константин Яковлевич Виноградов (1884–1943) и Алексей Алексеевич Найдышев. Во второй половине августа оба должны были выступить на заседаниях Методбюро при МОМ с докладами: *А. А. Найдышев — «План работ музея Архангельское и выставки по крепостному хоз-ву» (заседание состоится в помещении Музея Архангельское), <...> К. Я. Виноградов — «Внебазовое объединение музеев МОНО, находящихся на территории г. Москвы и ближайших ее окрестностей», <...> «О музейной сети в области в 1930/31 г.»* (О новых формах руководства музейной сетью... 1930: 23).

Возможно, не все из намеченных докладов состоялись, поскольку, согласно более позднему отчету, с конца июня 1930 по середину марта 1931 г. перечень прочитанных К. Я. Виноградовым и А. А. Найдышевым докладов был иным: *По организационно-плановому разделу: <...> 9) «Об объединении работы музеев в Останкине и Кускове» (К. Я. Виноградов) <...> По научно-исследовательскому разделу: <...> 3) «Об увязке работы историко-бытовых музеев с краеведческими музеями» (А. А. Найдышев). <...>. 5) «План работы музея-усадьбы Архангельское и выставки по крепостному хозяйству» (А. А. Найдышев). 6) «О принципах и плане реэкспозиции музея Архангельское» (А. А. Найдышев)* (Отчет о работе Методического бюро... 1931: 45).

Кроме того, в конце 1930 г. К. Я. Виноградов делал один из докладов на заседании научно-исследовательской секции Методбюро, разрабатывавшей «основные установки антирелигиозной работы в краеведческих и историко-бытовых музеях» (Молоткова 1930: 19).

Из материалов журнала можно узнать, что в Отделении музейных работников при Институте повышения квалификации кадров народного образования К. Я. Виноградов в 1931 г. читал 4-часовой курс «Работа историко-бытового музея» (Филичкин 1931: 40), «Останкино» и «Архангельское» входили в число восьми музеев, подлежащих осмотру учащимися музейных курсов «для выдвиженцев» (Порецкая 1931: 42), и о создании при Останкинском музее краеведческой ячейки (Краеведческие ячейки 1931: 29).

Известно также, что упомянутый в 1930 г. без всякой связи с Останкинским музеем краеведческий «Останкинско-Марьинский кружок», проведший «интересную выставку “Хозяйство и быт дер. Марьино и села Останкино в прошлом и настоящем”» (Григорьев 1930: 15), работал при музее и выставка была организована в залах дворца.

Следует признать, что даже приводимые сведения существенно расширяют имеющиеся представления о работе музеев в Архангельском и Останкино в начале 1930-х годов: об организационных формах их взаимодействия с руководящими органами и другими музеями, их

вовлеченности в межмузейную работу, а также о заведующих «Архангельским» и «Останкино» как музейных и «краеведных» деятелях своего времени. Без сомнения они, особенно К. Я. Виноградов, были в своей среде заметными и авторитетными фигурами. Неудивительно, что оба выступили авторами ряда статей, опубликованных на страницах журнала.

Тематически их можно разделить на три группы. К первой относятся материалы производственного краеведения, явно отдающие дань идеологическому Молоху. Это статьи К. Я. Виноградова из № 4 КМ за 1931 г. «Совхоз “Останкино” МОСПО (Свинарник и огородное хозяйство)» (с. 15–16) и «Огородный колхоз им. Сталина» (с. 16–18). Видимо, эти статьи должны были не только демонстрировать лояльность заведующего Останкинским музеем и руководства журнала текущему партийно-государственному курсу, но и служить своего рода образцами для сотрудников иных музеев в описании производственной жизни округа.

Ко второй группе относятся статья К. Я. Виноградова из последнего номера 1930 г. «Историко-бытовые музеи на новых путях» (с. 16–18) и информационно-методическая заметка А. А. Найдышева «Опыт организации выставки-передвижки» из № 2 за 1931 г. (с. 28). Разница в жанре и объеме, очевидно, отражает серьезные отличия в содержании и глубине краеведческой работы, имевшие место между двумя музеями. Заметка А. А. Найдышева — единственное известное на данный момент развернутое свидетельство о проведении музеем такой работы — рассказывает об организации во время «краеведной пятитдневки» трех передвижных выставок в «прилегающем к музею районе», содержанием которых были «общие сведения о промышленности и сельском хозяйстве СССР» при минимуме местного материала (на фото приведен пример одного из стендов этой выставки). Сообщалось, что «музей прорабатывает тему, связанную с посевной кампанией, где материалом будет являться результат исследовательской работы, проведенной музеем, и будут освещены вопросы сева, причины неурожайности, проблемы вовлечения в местные колхозы единоличников». Помощь крестьянству «в трудный момент переустройства деревенской жизни на социалистических началах» была признана «основной на ближайший этап, и на организацию очередной музейной передвижки музей сосредоточил большую часть своего внимания».

Если заметка А. А. Найдышева несет на себе явные следы вынужденного спешного следования политической конъюнктуре, то статья К. Я. Виноградова демонстрирует пример того, как заблаговременное целенаправленное вовлечение музея-усадьбы в краеведческую работу может служить решению и собственно краеведческих задач, причем имеющих отношение как к историческому, так и к производственному краеведению, и научных, и задач текущего благоустройства района, прилегающего к музею. Например, задача музея «выяснить роль той или иной крепостной деревни в создании дворца и усадьбы» была тесно связана с работой созданного при музее краеведческого кружка по изучению окрестных селений и имела практический результат в выставке «Д. Марьино в прошлом и настоящем» и ряде докладов, сделанных на заседаниях кружка. На выставке осветительных приборов были даны материалы о местных мастерах. Далее кружок, при поддержке музея, распространил свою работу на местные школы и фабрики, изучая их и создавая там краеведческие кружки. Подчеркнуто, что «в период организации огороднического колхоза краеведческий кружок принял активное участие в мобилизации общественного мнения вокруг него», а затем «участвовал в создании культурной базы при колхозе». Рассказывается, что «достижения в тепличном хозяйстве» соседнего совхоза «Плодоовощсоюз» «находятся на выставке», открытой в музее, «От дворянско-буржуазных огородов до колхоза и совхозов». В заключение ненавязчиво сообщено о том, что по мере изучения района «возникает ряд практических вопросов, требующих разрешения в интересах населения»: о водопроводе, транспорте, благоустройстве, огородах, устройстве зоопарка, катка, развитии лыжного спорта и т.д. Статья очевидно должна была продемонстрировать, что в соединении новых принципов краеведческой работы и собственно музейных задач, в том числе научных, нет ничего невозможного и что музей-усадьба может быть в этой деятельности надежным агентом властей держащих.

Третья группа — большие статьи собственно музейного содержания. Первая из них — статья К. Я. Виноградова в № 2 за 1931 г. «Музей-усадьба на новых путях» (с. 23–26), как точно ее охарактеризовала А. Г. Смирнова, «заметно выбивается из общего тона журнальных материалов» (Смирнова 2016: 29). Она включает в себя развернутое описание Останкино как историко-культурного памятника, подробный очерк научно-исследовательской работы, проделанной музеем с 1926 г., и рассказ о проведенной на основе полученных результатов реэкспозиции музейных пространств, о выставках (с подробным их перечнем), перестройке просветительного направления, начале издательской деятельности. Приведенные отзывы посетителей, информирующие о том, что музей помогает «развитию классовой сознательности», и сообщение о том, что музей вступает во второй этап своей работы — «полней и глубже проанализировать в целом памятник, имеющиеся коллекции и материалы с точки зрения марксистской методологии и выявить это в экспозиции», выглядят в настоящее время не более чем формулами лояльности. А опубликованная несколькими номерами ранее статья о краеведческой работе музея позволяла К. Я. Виноградову ограничиться общими фразами о том, что «музей развивает краеведческую работу, мобилизуя местное население на борьбу за социалистическое строительство», уже не опасаясь обвинений в отрыве от партийной линии, контрреволюционности и т.п.

Вероятно, только после демонстраций лояльности и верности государственному курсу, а также искусного соединения профильной и краеведческой работ стала возможной совместная статья К. Я. Виноградова и А. А. Найдышева «Краеведческая работа в историко-бытовых музеях (музея-усадьбах)», опубликованная в последнем номере журнала (с. 26–28). Основные задачи статьи: во-первых, разумеется, обобщить формы краеведческой работы, в которых может и должен принимать участие усадебный музей, и во-вторых (и, видимо, в-главных), еще раз проанализировать специфику музеев-усадьб как особенного типа музеев, которые при всей возможности и необходимости быть вовлеченными в краеведческую работу, в том числе связанную с решением текущих социально-экономических задач, не могут и не должны в ней растворяться. Главным образом потому, что, в отличие от других музеев, «они по своему построению представляют не результат всецело искусственного создания музейных работников, а являются прежде всего историческими памятниками, возникшими органически в известный период русской культуры <...> Вот почему они сильнее воздействуют на посетителя музея, чем, например, искусственные, созданные интерьеры в историч<еских> музеях или отделах краеведческих музеев». Подчеркнуто, что «по своей природе Историко-Бытовые Музеи (музеи-усадьбы) сложные организмы».

Неоднократно возвращаясь к необходимости вести краеведческую работу, авторы решительно заявляют, что она должна идти «прежде всего по линии обществоведческой», т. е. без уклона в современный экономический быт. И главное, «Историко-Бытовые Музеи, безусловно, не должны не только игнорировать, но и ослаблять своей работы, которая диктуется самим существом памятника и его бытовых и художественных коллекций». И хотя в продолжении этого пассажа «Останкино» оставлены в качестве главного направления научной работы только «крепостной театр, труд и искусство крепостных», а «Архангельскому» — «отдельные крупные художники и творчество крепостных», несколькими абзацами ниже авторы сами же отказываются от столь узкого подхода.

Прикрывшись постулатами диалектического материализма, они формулируют основной принцип построения экспозиций в музеях усадьбах: «выявить основные противоречия в процессе меняющегося стиля на базе общественно-экономических отношений». На практике это означало создание экспозиционного «комплекса», который «поможет посетителю познакомиться с бытом, искусством и эпохой в целом, с ее классовыми противоречиями и борьбой». Иными словами, дворцовые интерьеры должны были быть дополнены «материалами, характеризующими быт и идеологию прежде всего эксплуатируемых классов», а также «характеристикой района с точки зрения промышленности» периода социалистического строительства. При этом «интерьеры имеют самодовлеющую научную и просветительную цель».

Результаты научных исследований музея должен обязательно входить в программу массовой работы, «должен быть использован в избе-читальне, доме крестьянина, чайной и пр.».

В заключение, заявляя, что каждый историко-бытовой музей может стать для своего района краеведческим музеем, К. Я. Виноградов и А. А. Найдышев не призывают к перепрофилированию, но лишь к созданию в этих музеях краеведческих отделов.

Подводя итог описанию статей, опубликованных в журнале К. Я. Виноградовым и А. А. Найдышевым, можно сказать, что они производят впечатление комплекса продуманных и выверенных тактических шагов по защите музеев-усадоб от грозящей им в ту эпоху как минимум потери своего лица, а возможно, от утраты коллекций или даже закрытия. И хотя авторы не были единственными, кто отстаивал на страницах журнала принципы подлинной научности и разделения музейных задач, с одной стороны, и производственных и пропагандистских — с другой, но, пожалуй, они делали это наиболее аргументировано и последовательно. Впоследствии К. Я. Виноградов продолжил эту работу на страницах других журналов; другие тексты А. А. Найдышева на эту тему неизвестны.

В заключение стоит сказать, что такая активность отчасти могла быть связана с особым положением обоих музеев среди музейных учреждений Подмосковья. Они, согласно классификации заведующей Московским областным музеем и председателя Московского областного бюро краеведения Клавдии Александровны Коноваловой (1883 — не ранее 1966), входили в так называемую «первую группу» из восьми музеев (всего в области их числилось 49), «имеющих значительные бюджеты, достаточный штат научных сотрудников, накопивших значительный материал», причем ни одного из музеев-усадоб там больше не было (Коновалова 1931: 4). Очевидно, и бюджет, и штат сотрудников позволяли руководству обоих музеев заниматься литературным трудом, регулярно ездить в служебные командировки, поддерживать в порядке экспозиции и демонстрировать их кургантам. Накопленный запас прочности давал возможность бороться за дальнейшее выживание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Большаков А. М.* Краеведческое изучение деревни. М., 1930.
- Большаков А. М.* Твердое задание на 1931 г. Каждая область, каждый край обязательно имеют свой краеведный журнал. [Рец. на:] «Краевед-массовик». Журнал Московского областного бюро краеведения и Московского областного музея № 1–4 за 1930 и № 1 за 1931 г. // Советское краеведение. 1931. № 7. С. 106.
- В. Г.* За большевистскую бдительность в краеведении // Советское краеведение. 1932. № 1. С. 7–17.
- Григорьев А.* Работа краеведческих организаций в Московской области // КМ. 1930. № 1. С. 15.
- Дубровский К. В.* О массовом краеведческом журнале // Советское краеведение. 1930. № 11/12. С. 30–33.
- Здановский И. А.* Массовые фенологические наблюдения в работе краеведов (Инструктивные указания и справочные материалы). М., 1931.
- Как организовать краеведческую работу в районе (Инструктивные указания и справочные материалы) / под ред. К. А. Коноваловой. М., 1931.
- Козлов В. Ф.* «Огосударственное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936 гг.) // Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2013. № 9 (110). С. 53–82.
- Колобов В.* Из опыта музейно-краеведней работы в Звенигородском районе // КМ. 1930. № 3. С. 24.
- Коновалова К. А.* На путях к советскому музею // КМ. 1931. № 2. С. 3–5.
- Костомаров Г. Д.* О массовой работе по краеведению в Московской области // КМ. 1930. № 1. С. 1–2.
- Краеведческая литература по СССР за 1931 г. Список № 7 // Советское краеведение. 1931. № 10. С. 58–72.
- Краеведческая литература по СССР за 1931 г. Список № 8 [в заглавии ошибочно указано: «...за 1932 г. Список № 1»] // Советское краеведение. 1932. № 2. С. 66–72.
- Краеведческие ячейки // КМ. 1931. № 1. С. 29.
- Крыленко Н. В.* О работе ОКРАМ и положении на краеведном фронте (из доклада на президиуме Комакадемии СССР) // Советское краеведение. 1932. № 5. С. 16–21.

- Молоткова З. Работа Метод. Бюро Московского областного музея за сент.-ноябрь 1930 г. // КМ. 1930. № 4. С. 19.
О новых формах руководства музейной сетью в Московской области // КМ. 1930. № 3. С. 22–23.
Отчет о работе Методического бюро при Московском областном музее. За период с 28 июня 1930 г. по 15 марта 1931 года // КМ. 1931. № 2. С. 45.
Порецкая А. Из впечатлений участника музейных курсов для выдвиженцев // КМ. 1931. № 2. С. 41–42.
Радченко Е. «Базовое совещание при Воскресенском музее // КМ. 1930. № 3. С. 23.
Селиванов А. М. Историческое краеведение: накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII — XX вв.): учеб. пособие. 2-е изд. М., 2014.
Смирнова А. Г. Журнал «Краевед-массовик» (Московская область) и реалии краеведения начала 1930-х годов // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 10 (19). С. 9–34.
Филимонов С. Б. Краеведческие организации европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.) / под ред. С. О. Шмидта. М., 1991.
Филичкин А. За подготовку и переподготовку музейных кадров // КМ. 1931. № 2. С. 39–40.
Шмидт С. О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992.

THE JOURNAL “KRAEVED-MASSOVIK” AS A SOURCE ON THE HISTORY OF MOSCOW REGION ESTATE MUSEUMS

ABSTRACT. The article focuses on the journal “Moscow Kraeved-Massovik” (1930–1931; “Kraeved-Massovik” starting from № 3), a platform for the Association of Moscow Region Studies and later the Moscow Region Museum. The journal was meant to demonstrate to the state and the Communist Party leaders the willingness of metropolitan local historians to change their work according to the new state policy, which implied turning local history into a wide public movement under firm state control, and one of the instruments of the industrialization and agriculture collectivization. On the other hand, the writing team of the journal combined their display of loyalty and sensitivity to the governmental course with an attempt to stand up for the values of the pre-reform local history, i.e. considering local history an independent focus area and recognizing the need for academic research and approaches. This accommodating position was starkly expressed in the articles and notes written by K. Y. Vinogradov and A. A. Naydyshev, the chiefs of estate museums Ostankino and Arkhangelskoye. They addressed both the issues of regional economics and the necessity to retain the specific features of estate museums and a sound academic approach to studying their history and collections. The article also demonstrates the value of the journal as a source on the history of these estate museums in the context of their involvement into the work of local history institutions of the region and their role in the system of Moscow Region museums.

KEY WORDS: journal “Kraeved-Massovik”, Ostankino, Arkhangelskoye, K. Y. Vinogradov, A. A. Naydyshev, local history, estate museums

KONSTANTIN G. BOLENKO — PhD, Chief of the Section of Rare Books, Manuscripts and Photos, Estate Museum “Arkhangelskoye” (Moscow, Russia)
E-mail: kbolenko2005@yandex.ru